

УДК 316.772.4:323.1

© *Елена Савва*

доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета (Россия), кандидат философских наук, доцент

© *Elena Savva*

Associate Professor of the Political Science and Political Management dept. of the Kuban State University (Russia), Ph.D in Philosophy, Associate Professor e-mail: Ev.savva@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ НАПРЯЖЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА МЕЖКУЛЬТУРНУЮ КОММУНИКАЦИЮ

Статья основана на материалах нескольких эмпирических исследований, проведенных в Краснодарском крае с участием автора. Межкультурную коммуникацию можно представить в качестве сложной системы, а напряженность этнических отношений — в качестве внешнего фактора такой системы. Элементы системы межкультурной коммуникации деформируются под воздействием напряженности этнических отношений. По мере перехода от латентного конфликта к его эскалации деформирующее воздействие усиливается. Главным вектором деформации является рост эмоциональности сообщений сторон взаимодействия, снижение объективности и рациональности этих посланий.

Целью статьи является выявление наиболее существенных изменений элементов коммуникационной системы под воздействием напряженности этнических взаимодействий. Автор исходит из гипотезы о том, что напряженность отношений двух или более этнических сообществ деформирует элементы системы коммуникации и эта деформация усиливается по мере роста напряженности. Напряженность межэтнического взаимодействия кумулятивно усиливает непредсказуемость поведения сторон такого взаимодействия. Быстро растет уровень мифологизации и инструментализации исторической памяти, то есть прикладной характер ее использования. Факты и мифы исторической памяти используются субъектами коммуникации инструментально.

Теоретической основой для формулировки гипотезы стали две идеи из разных областей научного знания. Первой является идея Г. Триандиса о том, что взаимодействие представителей разных культур может привести

к конфликту в результате низкой предсказуемости партнеров по такой коммуникации. Поведение партнеров взаимно интерпретируется ими на базе собственных знаний и представлений. Правильность интерпретации зависит от того, насколько верно стороны взаимодействия понимают друг друга. В случае взаимодействия представителей одной культуры проблемы возникают редко, но в межкультурной коммуникации ее субъекты довольно часто не имеют достаточно информации для точной интерпретации [1, с. 200]. Второй идеей стала предложенная Г. Лассуэлом линейная модель коммуникации, позволяющая выделить элементы данного процесса и представить коммуникацию в качестве системы [2].

Эмпирической базой статьи являются результаты проведенных в первом пятилетии XXI в. исследований межкультурного взаимодействия представителей одной из так называемых новых диаспор Краснодарского края — турок-месхетинцев со старожильческим населением этого региона. Названное взаимодействие необходимо расценивать как показательный пример межкультурной коммуникации, поскольку стороны взаимодействия не имели длительного опыта соседского проживания на одной территории, а культурная дистанция этих диаспор и старожильческого населения Краснодарского края по классификации А. Фэрнхема и С. Бочнера должна быть отнесена к большой [3, с. 185].

Повторение исследований, ставших эмпирической основой работы, в настоящее время невозможно, поскольку значительная часть турок-месхетинцев выехала из Краснодарского края за рубеж в период 2004–2007 гг. в рамках международной программы. В связи с этим саму ситуацию межкультурного взаимодействия представителей «новых диаспор» и старожильческого населения Кубани можно рассматривать в качестве невозпроизводимого естественного эксперимента.

Миграция турок-месхетинцев в Краснодарский край имеет важную для нашего исследования предысторию. Именно на этом этапе у представителей этого этнического меньшинства сформировалась очередная коллективная травма. В 1989–1990 гг. произошел конфликт в Ферганской долине между турками-месхетинцами и узбеками. На начальном этапе этот конфликт не имел политического характера. Конфликт начался по поводу, который в отечественной научной традиции принято называть бытовым (ссора на рынке в Коканде по поводу стоимости клубники, которая переросла в массовую драку). Ни одна из очевидных сторон конфликта не имела политической программы. Турки-месхетинцы были в Узбекистане меньшинством, и конфликт быстро принял форму этнического погрома. Наблюдатели отмечают, что погромщики, вне зависимости от места

погромов, не выдвигали внятных требований. Рациональных объяснений массовым жестоким преследованиям месхетинцев не было. Российский ученый известный специалист по Центральной Азии С. Н. Абашин исследовал ход и причины погромов. Он зафиксировал отсутствие логики в действиях погромщиков. Жертвами насилия стали представители относительно небольшой по численности этнической группы, которая по основным социально-культурным характеристикам представлялась наиболее близкой старожильческому населению [4, с. 117].

Межэтнический конфликт в Ферганской долине достаточно быстро приобрел политический характер. Автор рассматривает в качестве политического такой конфликт, в ходе которого выдвигаются требования, связанные с властью. О переходе конфликта в категорию политических убедительно свидетельствуют попытки захватить административные здания в различных населенных пунктах Узбекистана и выдвижение требований органам власти о депортации месхетинцев [5, с. 180].

В результате массовой эвакуации турок-месхетинцев из Узбекистана в Краснодарском крае поселилось примерно 14,5 тысяч представителей этого этноса. Эти люди купили дома у уезжавших в тот период в Крым крымских татар. Относительно небольшая этническая группа стала на несколько лет основной этнополитической проблемой региона с пяти-миллионным населением.

Исследование М. В. Саввы «Новые диаспоры Краснодарского края (права, интересы, динамика интеграции и восприятие местным сообществом)» [6] обеспечило необходимую информацию для создания модели взаимодействия турок-месхетинцев и старожильческого сообщества. Коммуникация между турками-месхетинцами и традиционно проживающим в регионе населением была межкультурной, поскольку этническое большинство Краснодарского края относится к славянам. Это взаимодействие изначально осуществлялось как напряженное, что характерно для такого рода коммуникаций между старожильческим населением и инокультурными мигрантами. Взаимодействие месхетинцев с местным населением осложнялось активностью в Краснодарском крае казачьих организаций, которые позиционировали себя в качестве защитников жителей Кубани от иноэтнических мигрантов. Представители взаимодействующих общностей принципиально по-разному представляли себе причины напряженности и способы решения данной проблемы.

Турки-месхетинцы рассматривали предубеждения к себе органов публичной власти и ряда этнически ориентированных организаций как дискриминацию и грубое нарушение прав человека. Одной из главных

проблем представителей данной этнической группы был отказ в регистрации по месту проживания, что влекло за собой другие нарушения. Для решения данной проблемы турки-месхетинцы обращались в различные органы государственной власти. Другая сторона данной коммуникации осознавала конфликт как ценностный. При этом представители власти формулировали послания от имени всего старожильческого населения региона. Основным содержанием их сообщений было указание на несовместимость культурных ценностей турок-месхетинцев и славянского этнического большинства. Противостояние некоторой части старожильческого населения и мигрантов очень быстро стало политическим в результате апеллирования обеих сторон конфликта к власти. Местные и региональные чиновники, а также лидеры и члены казачьих организаций предъявляли политические требования федеральной власти, в частности, возлагали на федеральный центр ответственность за неэффективность миграционной политики.

Конфликтную коммуникацию турок-месхетинцев и части старожильческого населения Кубани можно рассматривать как наглядный естественный эксперимент. Удобным для исследования он стал в результате очень низкого уровня рациональности межкультурной коммуникации. Изучение данного случая позволило сформулировать ряд выводов относительно деформации элементов коммуникативного процесса под влиянием напряженности этнических отношений.

Автор использует структуру коммуникативного процесса из 4 базовых элементов: отправитель сообщения, послание, канал коммуникации, адресат. В настоящее время применяются различные модели процесса коммуникации, которые включают, как правило, значительно большее количество элементов. Однако принятая в данном исследовании модель достаточна для достижения его цели. Продолжение исследований в данном направлении может потребовать в будущем более дробной дифференциации элементов процесса коммуникации.

Необходимо выявить влияние напряженности межэтнического контакта на каждый из названных выше элементов. Это определено тем, что отсутствуют проведенные ранее исследования, позволяющие нам игнорировать как не существенную для динамики конфликта деформацию каких-либо элементов коммуникационной модели.

Автор подчеркивает, что в условиях межкультурной коммуникации субъекты коммуникационного процесса, то есть отправитель сообщения и его адресат, очень схожи по важным для нашего исследования характеристикам. Они являются этнофорами, то есть носителями этнической

культуры и самосознания. При этом, безусловно, субъекты коммуникации относятся к разным этническим культурам. Объединяющим фактором для них является то, что глубоко погруженные в контекст этнической культуры люди воспринимают свою этничность как чрезвычайно значимую и даже главную характеристику личности. В силу этого отправителя и получателя посланий можно воспринимать как элемент коммуникационного процесса с общими характеристиками и в целях исследования не разделять, рассматривая как одну группу. Деформации названных выше элементов автор будет анализировать как идентичные.

Выражение эмоций является обязательной характеристикой коммуникации, которая проявляется в большей или меньшей степени, но присутствует обязательно. Конфликтный характер взаимодействия двух этнических общностей повышает уровень эмоции контакта. Рост эмоциональности непосредственно связан с формированием образа врага. Если взаимодействие сторон начато по поводу проблемы, то с очень высокой вероятностью уровень их доверия по отношению друг к другу снижается, они взаимно демонизируются. Восприятие партнера по взаимодействию в качестве оппонента и затем врага оказывает воздействие как на получателя, так и на отправителя информации. Механизм такого воздействия можно описать следующим образом: поскольку отправитель ожидает враждебной реакции от получателя, он превентивно формулирует содержание своего сообщения категорично. Адресат в силу той же причины приписывает полученному посланию более негативное содержание, чем в него вложил отправитель. Оба коммуникатора включаются в кумулятивный процесс взаимного усиления недоверия и враждебности. Каждое новое послание после возникновения кумулятивного эффекта усиливает недоверие и уровень эмоциональности коммуникации. Этот процесс угрожает стабильности, поскольку он неуправляем. Субъекты коммуникации могут не иметь намерений усиливать конфликт. Однако объективно с каждым новым сообщением стороны конфликта становятся все более категоричными и нетерпимыми по отношению к оппонентам.

Автор рассматривает коммуникативный процесс как систему. В системе каждый элемент влияет на другие элементы, и это взаимовлияние имеет чрезвычайно сложный характер. Не только субъекты коммуникации, но также содержание посланий неизбежно деформируется в ситуации напряженности этнических отношений. Такая деформация имеет двойственную природу: с одной стороны, авторы сообщений формулируют их все более категорично, с другой — получатели приписывают им все более негативное содержание.

Для этнофоров межэтническое взаимодействие имеет высокую значимость. Люди, глубоко погруженные в свою этничность, склонны воспринимать подобную коммуникацию как демонстрацию или даже защиту ценностей этнической культуры. Поскольку затрагиваются ценности, участники коммуникации используют эмоциональные форматы передачи информации. Как было показано выше, напряженность взаимодействия повышает уровень эмоциональности сообщений, которыми обмениваются субъекты коммуникации. Автор констатирует, что уровень их эмоциональности усиливается постепенно и малозаметно для отправителя.

Ранее автор предполагал, что отправитель и получатель послания близки по характеристикам. В общем виде в случае межэтнического взаимодействия это так, но восприятие посланий отправителем и получателем не вполне тождественно. Асимметрия восприятия состоит в том, что нарастание эмоциональности малозаметно для отправителя, но очевидна для получателя. Отправитель рассматривает эмоциональность своих посланий как адекватную сложившейся ситуации. Адресат воспринимает эти же сообщения как вызывающие и незаслуженно резкие. Эта асимметрия снижает рациональность восприятия информации обеими сторонами коммуникационного процесса. В соответствии с моделью межкультурной коммуникации Г. Триандиса, подобная деформация снижает предсказуемость взаимодействия, поскольку приписываемые поступкам партнеров мотивы воспринимаются другой стороной как враждебные.

Главным направлением деформации каналов межкультурной коммуникации в условиях напряженности является их политизация. Социальное взаимодействие объективно осуществляется в рамках политически организованного пространства. Отличительным признаком такого пространства является иерархия, то есть наличие отношений доминирования и подчинения. Современное общество предполагает властные полномочия и отношения людей по поводу власти, то есть политику. В политически организованном социальном пространстве неизбежно присутствует подозрение в стремлении партнера по коммуникации к доминированию. Взаимное недоверие усиливает подозрения и переводит коммуникацию в политическую сферу. В силу кумулятивной динамики межкультурной коммуникации практически любой межэтнический конфликт становится этнополитическим. Такая трансформация происходит вне зависимости от субъективно понимаемых целей участников межкультурного взаимодействия.

Система каналов коммуникации по мере эскалации конфликта в ситуации напряженности расширяется, появляются новые каналы.

На начальном этапе коммуникации эта система включает, как правило, только непосредственное межличностное взаимодействие. В процессе коммуникации ее стороны начинают использовать более формализованные и более технологичные каналы. В качестве таких новых каналов наиболее часто применяются средства массовой информации и социальные сети. Такие сети имеют особенность как канал коммуникации, их использование обеспечивает сторонам взаимодействия чувство высокой защищенности. Такой эффект вызван тем, что характер контактов в социальных сетях является опосредованным. Взаимодействие остается персонифицированным, то есть люди общаются с другими конкретными людьми, которых можно более или менее точно идентифицировать. В то же время стороны контакта отделены друг от друга дистанцией, то есть они не видят перед собой живого человека и в силу этого позволяют себе не сдерживаться ни в содержании высказываний, ни в эмоциях. Такой характер коммуникации неизбежно усиливает конфликтную эмоциональность отношений субъектов коммуникативного процесса в ситуации напряженности межэтнических отношений.

Ранее проведенные эмпирические исследования позволили автору зафиксировать еще одну важную тенденцию изменения каналов межкультурной коммуникации в условиях напряженности межэтнических отношений. Субъекты коммуникативного процесса включают в него новых адресатов своих посланий. Такими новыми адресатами становятся потенциальные центры влияния, которые могут воздействовать на конфликт, а именно органы государственной власти и местного самоуправления, средства массовой информации, иногда бизнес. Участники межкультурной коммуникации при помощи обращения к этим центрам влияния пытаются усилить свои возможности за счет самых разнообразных ресурсов союзников. Органы власти обладают таким важным ресурсом, как административный. Их включение в систему коммуникации политизирует процесс взаимодействия. Одновременно такое включение катализирует формирование политических лозунгов сторон конфликта. Таким образом, иррациональные по своей сути конфликты получают политическое обоснование, оставаясь при этом иррациональными.

Политические лозунги и последующая политизация конфликта неизбежно возникают как результат обращений участников межкультурной коммуникации к органам публичной власти в ситуации напряженности. Для вовлечения власти в конфликт на своей стороне участники конфликта должны обосновать необходимость такого вмешательства, и для

этого они апеллируют к полномочиям власти. К таким «вовлекающим полномочиям» относится, например, защита прав и свобод человека.

Современные российские исследователи включают в классификации «языка вражды» элементы из сферы исторической памяти. Г. Кожевникова на основе изучения материалов нескольких общероссийских газет, а также газет Санкт-Петербурга, Краснодарского края, Рязанской области, Пермской области, Иркутской области выделила 16 видов «языка вражды», в том числе: оправдание случаев насилия и дискриминации в истории; заявления, ставящие под сомнение общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации; утверждения о совершенных ранее той или иной этнической или религиозной группой преступлениях [7, с. 9].

Проведенное исследование позволяет автору сделать ряд выводов. Напряженность этнических отношений в ходе межкультурной коммуникации деформирует основные элементы коммуникационной системы. По мере нарастания конфликта уровень деформации повышается. Оба коммуникатора становятся более категоричными и недоброжелательными, уровень доверия партнеров по коммуникации снижается. Содержание коммуникации изменяется в сторону повышения эмоциональности и снижения рациональности. Каналы межкультурной коммуникации в условиях напряженности достаточно быстро политизируются. Это происходит, например, путем включения в процесс коммуникации новых участников, среди которых наиболее часто оказываются органы публичной власти и средства массовой информации. Использование фактов и мифов исторической памяти в ситуации напряженности межэтнических отношений имеет инструментальный и не критичный характер.

Список основных источников

1. Triandis, H. C. Values, attitudes, and interpersonal behavior / H. C. Triandis // Nebraska Symposium On Motivation, 27. — 1980. — Pp. 195–259.
2. Lasswell, H. The structure and function of communication in society. The Communication of Ideas / H. Lasswell. — 1948. — N.Y. : Harper and Brothers.
3. Furnham, A. Social difficulty in a foreign culture an empirical analysis of culture shock / A. Furnham, S. Bochner // Cultures in Contact: Studies in Cross-Cultural Interaction. — 1982. — Oxford. — Pp. 161–198.
4. Абашин, С. На разломе «южной дуги» (из блокнота этнографа) / С. Абашин // Вестн. Евразии. — 2000. — № 2 (9). — С. 108–128.
5. Осипов, А. Г. Ферганские события: конструирование этнического конфликта / А. Г. Осипов // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. — М., 2004. — Наука. — С. 164–223.

6. Савва, М. В. Новые диаспоры Краснодарского края (права, интересы, динамика интеграции и восприятие местным сообществом) / М. В. Савва. — Краснодар : Издательство КубГУ, 2006. — 251 с.

7. Кожевникова, Г. Язык вражды в предвыборной агитации и вне ее / Г. Кожевникова // Мониторинг прессы: сентябрь 2003 – март 2004. — С. 9–11.

INFLUENCE OF TENSION OF ETHNIC RELATIONS ON INTERCULTURAL COMMUNICATION

The article is based on the materials of several empirical studies carried out in the Krasnodar Territory with the participation of the author. Intercultural communication can be presented as a complex system, and the tension of ethnic relations as an external factor of such a system. The elements of the intercultural communication system are deformed under the influence of the tension of ethnic relations. With the transition from latent conflict to its escalation, the deforming effect increases. The main vector of deformation is an increase in the emotionality of messages from the parties to the interaction, a decrease in the objectivity and rationality of these messages.

УДК 316.7

© **Олег Слука**

профессор кафедры периодической печати и веб-журналистики факультета журналистики Белорусского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

© **Oleg Sluka**

*Professor of the History of Journalism and Media Management dept. of the Journalism Faculty of the Belarusian State University, Doctor of History, Professor
e-mail: slukaoleg@yandex.ru*

ТЕХНОЛОГИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА*

В статье сформулированы основные закономерности функционирования политического процесса в современных условиях как определяющего фактора управления государством и организации общества.

Политический процесс в современных условиях — это формирование и реализация общественно-политического управления в государстве в соответствии с исторической ролью народа или нации и обеспечение

* Статья носит дискуссионный характер и не отражает позицию редакции.